
**К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.В. БРУШЛИНСКОГО**

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ
СУБЪЕКТА И ЛИЧНОСТИ**

© 2013 г. Е. А. Сергиенко

*Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт психологии РАН, Москва*

Проанализированы представления о соотношении субъекта и личности в отечественной психологии. В рамках системно-субъектного подхода личность (персона) как стрессовая структура субъекта задает общее направление движения, а субъект его конкретно реализует, координируя выбор целей и ресурсов индивидуальности человека. Зрелые формы поведения человека зависят от степени согласованности континуума “субъект–личность” в ходе развития.

Показана тесная взаимосвязь и реципрокность структур и функций субъекта и личности на примере изучения модели психического (когнитивная функция субъекта) в период взрослости и регулятивной субъектной функции у женщин с травматичным опытом прерывания беременности. Подчеркивается дискуссионность и поисковый характер данной гипотезы в психологии субъекта.

Ключевые слова: субъект, личность, системно-субъектный подход, функции субъекта и личности, психологическая зрелость.

Прошло 10 лет со дня гибели А.В. Брушлинского. Преданное служению науке, пример жизни, поступков Андрея Владимировича становятся еще более весомыми и побуждают продолжать и развивать его идеи. Наиболее значимой для него стала психология субъекта, субъектно-деятельностный подход. Ученики и последователи А.В. Брушлинского продолжают разработку психологии субъекта не только в плане фундаментальных исследований, но и в ходе обсуждения проблем этого направления в рамках специального курса лекций и семинаров “Психология субъекта” на факультете психологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). За прошедшие годы курс лекций серьезно совершенствовался и изменился. Его цель – передать основные научные идеи А.В. Брушлинского (В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова) новому поколению ученых и успешно развивать это направление. Несмотря на сложность данного курса для восприятия студентов, они проникаются идеями и возможностью их применения в современной психологической науке.

В настоящей статье основное внимание сосредоточено на проблеме соотношения субъекта и

личности, которая остается в психологии субъекта слабо разработанной, но принципиальной, поскольку дифференциация этих понятий, описание их единства и специфики имеют прямое отношение к постановке вопроса о самостоятельности и необходимости категории субъекта в психологии. Более того, если понятие личности уже завоевало прочные позиции в психологической науке, то понятие субъекта находится в стадии становления, что сопряжено с его обсуждениями и даже резким отрицанием. В триаде понятий “человек–личность–субъект”, последнее – лишнее (третий лишний), по мнению В.П. Зинченко [10].

Не рассматривая разные определения понятий субъекта и личности, что потребовало бы отдельной работы, остановимся на том, как они соотносятся в отечественной психологии.

**СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА И ЛИЧНОСТИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Л.В. Алексеева, основываясь на работах Б.Г. Ананьева, А.Г. Асмолова, Л.И. Божович, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубин-

штейна, В.А. Петровского и М.Г. Ярошевского, определяет личность в отечественной психологии как социальное существо, наделенное сознанием, социально-типичное и индивидуально неповторимое, как устойчивый психологический склад человека, способный управлять своим поведением и деятельностью, субъекта социальных отношений и сознательной деятельности [2]. В данном определении отчетливо проявляется характеристика субъекта как свойства личности выступать автором социальных отношений и собственной сознательной деятельности.

Сравнительный анализ соотношения содержания понятий субъекта и личности позволил М.А. Шукиной [29] выделить 4 возможных варианта. *Первый вариант* состоит в совпадении понятий субъекта и личности. Так, Е.В. Волкова [8] считает разведение структур субъекта и личности искусственным, поскольку лишение личности субъектности как активной преобразующей силы, а субъекта – личности (смыслов и направленности) неоправданно. Субъект скорее преобразует личность, возникая на определенных уровнях ее развития, что означает новую способность к изменениям внешней и внутренней реальности.

Второй вариант: субъект шире понятия личности. А.В. Брушлинский считал, что “субъект всегда является личностью, но не сводим к ней” [7, с. 10].

Третий вариант: понятие личности шире понятия субъекта. К данному варианту можно отнести работы В.А. Петровского, А.Г. Асмолова, К.А. Абульхановой и других. Так, В.А. Петровский [15] развивает личностный подход к активности субъекта. Он принимает выдвинутое А.Н. Леонтьевым представление о личности как системе деятельностей субъекта, в которой проявляются свойства социальной метасистемы, куда и включен субъект. Говоря о субъектности, в большей степени используется индивидуально-психологический анализ человека, тогда как по отношению к личности – социально-психологический. В.А. Петровский видит противоречие в подходах к изучению личности и субъекта. “Очевидный факт взаимопроникновения между двумя началами бытия личности сопряжен с не менее очевидным фактом их нередуцируемости друг к другу: индивидуальное и социальное в личности составляют, как говорят, единство, но не тождество” [14, с. 358]. Концепция субъектной личности объединяет в себе идеи надситуативной активности и отраженности человека в человеке. “В этом контексте личность выступает как динамическая форма субъектно-ролевого единс-

тва: становление субъектности – ролью и снятие роли – субъектностью” [там же, с. 363]. Таким образом, субъектность понимается В.А. Петровским как часть (модус) личности, что фактически снимает вопрос о специфичности данной категории: субъект растворен личностью.

Четвертый вариант: соотношение субъекта и личности состоит в том, что две эти структуры отражают разные стороны психологии человека. В наиболее яркой форме данный вариант представлен в трудах Б.Г. Ананьева [3]. Он подчеркивал, что “...совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность – совокупностью общественных отношений (экономических, политических, правовых, нравственных и т.д.)” [3, с. 253].

При всем многообразии различий в понимании субъекта и личности и их соотношений мы выделяем два основных подхода. Они базируются прежде всего на критериях выделения субъекта. Именно критериальный принцип позволяет дать более масштабное и крупное деление в представлениях о соотношении субъекта и личности. Понимание критерия субъекта в отечественной психологии можно разделить на акмеологический и эволюционный. *Первый подход* – акмеологический, в котором постулируется, что субъект – вершина развития личности. Следует признать, что большинство отечественных психологов придерживаются данного подхода (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, В.В. Знаков, Г.В. Залевский, В.А. Петровский, З.И. Рябикина и др.). *Второй подход* – эволюционный, при котором полагается постепенное развитие человека как субъекта (Л.И. Божович, А.Л. Журавлев, В.Н. Слободчиков, А.Ш. Тхостов, В.В. Селиванов, Е.А. Сергиенко и др.). Два выделенных подхода восходят к разным философским традициям: антропоцентрической (И. Кант, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.) и эволюционно-генетической (И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинг, Б. Спиноза, Г.В.Ф. Гегель и др.). Представления о субъектности в данных подходах приводят к различному решению вопроса о соотношении субъекта и личности. При акмеологическом подходе субъект – достаточно позднее образование в развитии человека, рассматриваемое как новообразование в развитии личности. При эволюционном подходе, напротив, субъект развивается с самых ранних этапов психического становления человека, тогда как личность может также развиваться вместе с субъектом или на более поздних его этапах.

Так, в рамках первого, акмеологического, подхода А.Г. Асмолов считает, что отличие между субъектом и личностью состоит в активности по преобразованию нормативности вовне и в себе как продукте реализации личности, что и есть проявление субъектности. Следовательно, автор видит субъектность как высшую характеристику личности [6].

З.И. Рябикина [17] полагает необоснованной попытку выделения приоритета во взаиморасположении категорий “личность” и “субъект”. Субъектность может быть доличностной, личностной и внеличностной. Например, вводя представление о коллективном субъекте, трудно говорить о коллективной личности. Личность в различных пространствах своего бытия в разной степени способна реализовывать субъектную позицию. При этом субъектная позиция понимается как совокупность свойств личности, которая способствует экстерииоризации субъектного потенциала. Интересным представляется введение понятий истинной и навязанной субъектности. Личность не всегда эффективна в проявлениях своей субъектности. Истинной субъектности отвечает аутентичное бытие личности. Истинная субъектность возникает на определенном уровне зрелости личности и достижима при выборе способа существования, максимально отвечающем его сущности [там же]. Анализу описанного понятия истинной субъектности посвящено теоретико-экспериментальное исследование Г.Ю. Фоменко [27]. Она выделила десять критериев истинной субъектности, показала возможности проявления истинной и навязанной субъектности в двух модусах бытия личности: предельном и экстремальном. Такое понимание также является вершинным представлением о личности как субъекте, что соответствует акмеологическому принципу К.А. Абульхановой. Личность становится субъектом собственной деятельности и жизни в целом только на высших, взрослых этапах своего развития. К.А. Абульханова пишет: “Говоря о становлении личности субъектом, мы имеем в виду взрослую личность” [1, с. 17]. В одной из своих работ она выделяет пять критериев личности, которая становится субъектом. Обобщенно данные критерии определяют личность как субъекта жизни, постоянно направленного на самосовершенствование, достижение идеала, подлинности жизни. Неподлинность жизни определяется как неспособность прожить собственную жизнь, отвечающую собственной индивидуальности. Подлинная же жизнь – это выбор жизненной стратегии, отвечающей смыслу жизни. Жизненная стратегия проявляется в сознании субъекта как Я-концеп-

ция. “Наличие Я-концепции дает возможность личности осознать себя как субъекта, отнестись к себе как источнику жизненных перемен, причине событий и поступков...” [там же, с. 15].

Акмеологический критерий приводит к противоречиям, которые существуют с другими решениями вопроса. Напомним, что Б.Г. Ананьев таким образом решал вопрос о соотношении личности и субъекта: “Разумеется, разделение человеческих свойств на индивидуальные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого – структура личности, в которой пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта” [3, с. 220]. Выделяя в качестве ядра человеческой организации личность, Б.Г. Ананьев указывает, что “структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития. С.Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, комплексе личностных свойств, усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы” [там же, с. 218]. Кроме того, при выделении критерия субъекта только как акмеологического [1] нарушается этот принцип, что приводит к парадоксальному решению. Если субъектом человек становится только на высших этапах собственной жизни, решая внешние и внутренние противоречия, то возникает вопрос: как он приходит к этим высшим уровням своего развития и кем он был до этого? Более того, даже на высших уровнях своего бытия человек не всегда справляется с возникшими противоречиями, следовательно, перестает быть субъектом. Кроме того, акмеологический критерий субъекта фактически ставит вопрос о самодостаточности категории субъекта для психологии, поскольку он обозначает только высшие достижения личности. В этом случае следует признать правоту В.П. Зинченко: в тройке психологических понятий “человек–личность–субъект” именно субъект является третьим лишним.

Л.И. Анцыферова отмечает, что в работах С.Л. Рубинштейна трудно найти критерии, дифференцирующие субъекта и личность. «Он часто пишет о “личности”, “субъекте” и “человеке” как синонимах...» [5, с. 219]. Его интересует активность человека, субъекта, личности в деятельности. Иногда Рубинштейн использует представление о субъекте как стержневом качестве

личности, употребляя такие понятия, как “субъект практики”, “субъект истории”. Анализируя теории личности, Л.И. Анцыферова указывает, что субъект в них “...характеризуется через различные формы внешней и внутренней активности. Он инициирует, творит, создает внутренний мир и поступки человека, контролирует чувства, вырабатывает жизненные стратегии, разрешает трудные ситуации, ставит жизненно важные задачи, вырабатывает способность ладить с людьми, создает условия для развития личности и т.д. Но за пределами исследований остается такое содержательное, ценностно-смысловое измерение, которое характеризует человека как личность. В число особенностей субъекта не входят те, которые заключены в понятиях духовности, гуманности, нравственности, совести, добродетельности и т.п.” [4, с. 362]. Далее она указывает, что существует неравномерность в развитии человека как субъекта и как личности. Один из вариантов рассогласования – это высокий уровень развития субъектности и низкий – личности. Например, люди, преуспевающие в бизнесе, политике и других областях, могут быть личностно недостаточно развиты. “Высокое же развитие человека как личности невозможно без столь высокого развития его как субъекта” [там же, с. 363]. При таком варианте человек должен отстаивать свои идеалы, убеждения, реализовывать себя в деятельности, т.е. соответствовать своему содержанию.

Соотношение личности и субъекта рассматривалось в работах Мальрие. “Субъект не сводится к Персоне, хотя и является ее источником” (цит. по [9, с. 19]). В этом случае существует континуум процессов субъективизации и персонализации, между Субъектом и Персоной. Процесс же персонализации включает, по мнению А. Валлона, синтез двух аспектов развития: социализации и индивидуализации (как два комплементарных процесса) [там же].

Приведенные взгляды разных авторов на соотношение субъекта и личности послужили основанием для выдвижения и проверки собственной гипотезы.

ГИПОТЕЗА О СООТНОШЕНИИ СУБЪЕКТА И ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА

Основные положения системно-субъектного подхода, развиваемого автором, были изложены в нескольких работах (см., например, [18, 19, 25]). В настоящей статье остановимся только на реше-

нии вопроса о соотношении субъекта и личности в рамках данного подхода.

Предполагается следующее гипотетическое решение. Личность (персона) – это стрелевая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически такое соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах – субъект. *В этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект–личность.*

В этом процессе познание Себя и Другого занимает определяющее место, но может существовать и в недифференцированной (интуитивной) форме. Модель психического как модель внутреннего мира человека, определяемая векторами Я–Другой, выступает как когнитивная основа субъектности человека, реализующая генеральную линию личностного развития [20].

Это означает, что человек стремится сохранить свою целостность как субъекта и личности, следовательно, делает то, что соответствует его жизненным смыслам и в соответствии с собственной субъектностью, т.е. в соответствии со своей интегративной уникальностью (где все образует единую систему: вся история развития субъекта, гетерархия уровней организации). Показателем синхронности и соответствия в континууме личность–субъект может выступать спонтанность поведения человека. Можно привести аналогию со знанием языка: как только мы выражаем спонтанно то, что хотим сказать, тогда можно говорить о владении языком как средством общения или средством обмена психическими состояниями (желаниями, знаниями, эмоциями, настроениями и планами).

В этом случае психологическая зрелость – это прежде всего континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта.

Предложенное гипотетическое решение вопроса о соотношении категорий “субъект” и “личность” включает положения Л.И. Анцыферовой и Б.Г. Ананьева. В работах Б.Г. Ананьева мы находим указание на то, что личность является ядерным образованием в структуре целостного

человека. Более того – указание на существование своеобразия и дифференциации этих понятий как в психологии субъекта А.В. Брушлинского (“субъект всегда является личностью, но не сводим к ней”), так и в работах Б.Г. Ананьева: “Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, т.к. субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой продуктивности” [3, с. 253].

Таким образом, гипотетическое решение имеет некоторые указания в работах других авторов. Суть данной гипотезы может быть проиллюстрирована на рис. 1.

На схеме условно обозначены уровни развития субъектно-личностного развития как увеличивающиеся и усложняющиеся структуры, но всегда присутствующие на любом этапе онтогенеза человека. Уровни этой организации обладают своей спецификой как в функциональном, так и структурном отношении. При этом развитие подчиняется континуально-генетическому принципу непрерывности и преемственности развития, интеграции–дифференциации (подробнее см. [19]).

Дальнейшая разработка представлений об уровнях становления субъектности связана с выделением функций субъекта, предложенным нами в поисках дифференциации образований личности и субъекта. Выделяя категорию субъекта как центральную в системно-субъектном подходе [19, 25], необходимо найти те специфические функции, которые дифференцируют ее от других категорий психологической науки. Эти функции должны обладать статусом системности и субъектности одновременно.

Б.Ф. Ломов выделял три основные функции психических процессов: когнитивную, регулятивную и коммуникативную [13]. Подобные функции можно выделить и относительно субъекта. Мы полагаем, что в качестве *когнитивной функции* по отношению к субъектности является понимание, коммуникативной функции – континуум субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий, в качестве регулятивной функции – контроль поведения и самопроизвольность [21, 23]. Контроль поведения рассматривается нами как интегративная характеристика, включающая когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность) (подробнее см. [23]). Выделяя функции субъекта, мы надеемся не только уточнить критерии субъектности, дифференцировать структуры личности и субъекта, но и полнее представить картину уровневого развития субъекта.

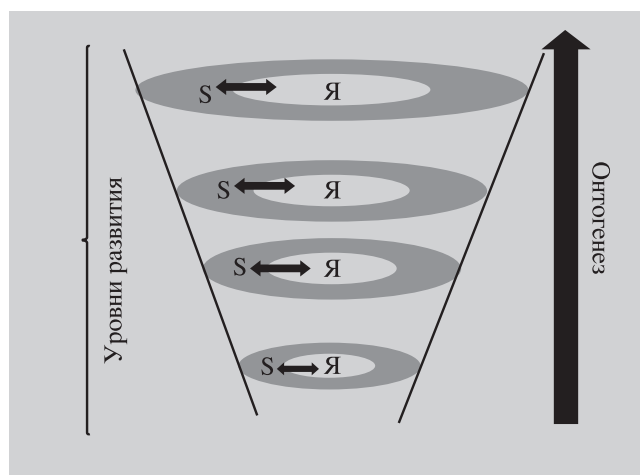

Рис. 1. Схема соотношения субъекта и личности в их непрерывном развитии в онтогенезе человека.

Перспективными в разработке уровней развития субъекта мы считаем изучение и исследование становления функций субъекта на различных этапах онтогенеза человека, охватывающих разные периоды от рождения до старости. Такая объемная задача требует серьезных исследовательских усилий, которые и реализуются в рамках работ лаборатории психологии развития Института психологии РАН.

При рассмотрении вопроса о соотношении субъекта и личности нельзя обойти вниманием концепцию субъекта В.А. Татенко [26], которая имеет пересечения с нашими гипотетическими решениями. Его концепция субъектогенеза носит, безусловно, континуально-генетический характер и во многих положениях согласуется с нашими предположениями. В представлении В.А. Татенко субъект – реально существующее образование на всем протяжении развития человека. Он указывает, что необходимо говорить не о возникновении субъектности в каком-то возрасте, а о генетических уровнях и этапах субъектности. На каждом этапе онтогенеза индивид выступает как целостный субъект психической активности определенного уровня развития (сначала бессознательного, а затем все более осознанного). Субъект всегда находится в состоянии саморазвития, самосовершенствования. Он выделяет интуиции субъектного ядра – движущие силы развития человека как субъекта с присущими им механизмами психической активности и доминирующими психическими функциями (например, для новорожденного – внимание, для детей раннего возраста – память, для подростков – речь). Различия между концепцией В.А. Татенко и нашей концепцией лежат в понимании структуры, функций субъекта, в со-

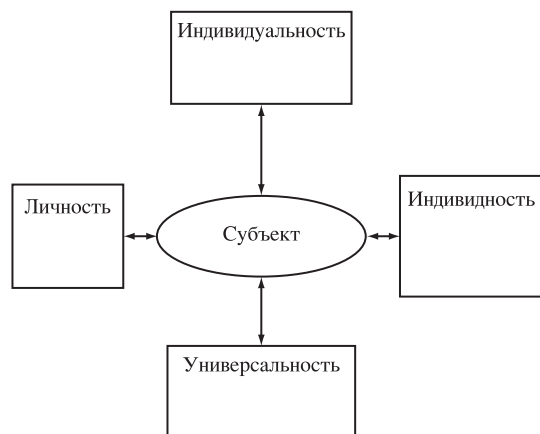

Рис. 2. Схема представлений о соотношении понятий в концепции В.А. Татенко [26].

отношении категорий субъект – личность. Он отмечает, что “личностное следует выводить из субъектного как сущностного, а не наоборот” [26, с. 230]. На рис. 2 схематически показаны соотношения понятий в его концепции: субъект является центральной структурой в психической организации человека, а личность, индивидность, индивидуальность и универсальность представлены как рядоположенные, связанные с ней образования, оппозиционными парами: личность–индивид; универсальность–индивидуальность.

На наш взгляд, в данном подходе субъект фактически поглощает другие стороны человеческой психики, делая их выводимыми из субъекта. Несомненно, субъект интегрирует все психические способности человека: индивидные и индивидуальные, универсальные и личностные. Однако отсутствие иерархии и специфики в соотношении различных аспектов психической организации, онтологически столь отличных, делает данную схему весьма спорной. Наша точка зрения на соотношение субъект–личность позволяет описать как единство этих ипостасей человека, так и их

специфику, непрерывность их уровневого развития в онтогенезе, критерии согласованности через процессуальное представление о зрелости.

Выделение функций субъектности: когнитивная – понимание, регулятивная – контроль поведения и коммуникативная как специфическое взаимодействие субъект-субъектных или субъект-объектных отношений – позволяет увидеть специфику категории субъекта в психологии. Для личности специфика функций может быть описана по аналогии с функциями субъекта: когнитивная – осмысление (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций); переживание как регулятивная функция, которая указывает на отношение к событию или ситуации, приводя к возможным изменениям в Я-концепции; коммуникативная функция – направленность на определенные значимые аспекты реальности. При таком решении функции субъекта и функции личности как две неразрывные стороны человеческой организации тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании появляется возможность смыслопорождения и изменения поведения, его контроля, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта. В табл. 1 представлена специфика структуры и функций субъекта и личности.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СООТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТА И ЛИЧНОСТИ

Наши предположения о соотношении субъекта и личности потребовали эмпирической проверки. В настоящее время в рамках диссертационных

Таблица 1. Структурно-функциональная специфика организации субъекта и личности

Индивидуальность человека	Функции			Структура
	когнитивная	регулятивная	коммуникативная	
Личность	Смыслообразование, ценностные ориентации	Переживание	Избирательность взаимодействия	Я-концепция
Субъект	Понимание	Контроль поведения (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция, волевой контроль)	Субъектность/Объектность взаимодействия	Индивидуальные ресурсы (когнитивные, эмоциональные, волевые)

работ проведен ряд исследований, дающих веские аргументы в пользу наших гипотез.

В двух исследованиях изучалось соотношение субъектных и личностных характеристик: в работе Т.С. Миковой ставилась цель изучить регулятивную функцию субъекта (контроль поведения) в соотношении с личностными характеристиками [24], а в работе Н.И. Колесниковой анализировалось соотношение когнитивной функции субъекта (модели психического) с личностными особенностями людей разного возраста от 17 до 45 лет [12].

Субъектные и личностные характеристики женщин с травматичным опытом искусственного прерывания беременности. Данная экспериментальная работа была выполнена под руководством автора аспиранткой Т.С. Миковой [24]. В исследовании проверялось предположение о том, что согласованное взаимодействие субъектных (контроль поведения) и личностных (ценности, смысложизненные ориентации, самоотношение, неосознаваемые представления о себе) характеристик осуществляется с помощью конструктивных форм совладающего поведения и представляет собой единую сложную систему саморегуляции, обеспечивающую возможность реализации человеком зрелых форм поведения.

В исследовании участвовали 145 женщин репродуктивного возраста (от 20 до 35 лет), имеющих одного или несколько детей (средний возраст 29 лет). Были опрошены 50 женщин с опытом искусственного прерывания беременности и 95 женщин, никогда не прерывавших беременность. Респонденты с абортным опытом отбирались по критериям наличия детей, отсутствия медицинских показаний аборта (сроки аборта не должны были быть менее полугода на момент исследования).

Для изучения субъектных характеристик (составляющих контроля поведения) использовался опросник “Стиль саморегуляции поведения” (ССПМ) В.И. Моросановой; опросник “Эмоциональный интеллект” (SREIT) Н. Шутте с коллегами в переводе А.В. Садовой; опросник “Шкала контроля за действием” (НАКЕМР-90) Ю. Куля в адаптации С.А. Шапкина (подробнее см. [24]). Для исследования личностных характеристик использовалась методика изучения ценностей личности Ш. Шварца; “Тест смысложизненных ориентаций” (СЖО) Д.А. Леонтьева; тест на самоотношение “Кто Я?” М. Куна в модификации Т.В. Румянцевой; рисуночный тест “Автопортрет”, направленный на изучение неосознаваемых представлений женщин о себе. Для дополнительного изучения особенностей личностных харак-

теристик и возможности прогнозирования поведения исследуемых женщин при возникновении трудностей в будущем нами были составлены два рассказа, отвечающие основным признакам нарративного повествования [11]. Испытуемым предлагалось внимательно прочитать рассказ и написать небольшое продолжение, отвечая на вопросы, которые касались выбора и его причин в трудной ситуации, последствий выбора и оценки ситуации. При выполнении этого задания респонденты проецировали заданные жизненные обстоятельства на себя и принимали те решения, которые осуществили бы сами, оказавшись в подобной ситуации. Для изучения механизмов защиты и совладания использовались адаптированный вариант методики LSI (*Life Style Index*) Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х.Р. Конте “Индекс жизненного стиля” и копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой. Диагностика уровня интенсивности переживаний по поводу искусственного прерывания беременности проводилась с помощью Шкалы оценки влияния травматического события ШОВТС (*IES-R*) М. Горовица, адаптированной Н.В. Тарабриной с соавторами (о методиках подробнее см. [24]).

Если, как мы полагаем, личность задает направление, смысл и ценность взаимодействий, а субъект реализует личностные выборы согласно индивидуальным ресурсам, тогда мы должны показать пути такой совместной активности двух единых сторон: субъекта и личности.

Результаты исследования, их статистический и содержательный анализ позволили заключить, что согласованность субъектных (контроль поведения) и личностных (ценности, смысложизненные ориентации, сознательные и неосознаваемые представления о себе) характеристик способствует осуществлению человеком зрелых форм поведения, определяющих успешность преодоления жизненных трудностей. Сравнение двух групп женщин, имеющих травматичный опыт аборта и без него, показало различия в структуре и функциях субъектно-личностных характеристик. Соотношение показателей субъектных и личностных характеристик в двух группах исследования указывает на тесное взаимодействие данных конструктов, однако структура этих связей у женщин группы “С травмой” отличается меньшим количеством значимых корреляций, в отличие от группы сравнения (16 и 33 связи соответственно). Со стороны личностных характеристик в данной группе наиболее активное участие принимает система ценностей, где наблюдаются наиболее значимые для испытуемых с травмой типы ценностей *Безопасность* и *Самостоятельность*, а наименее

важными – *Традиции, Власть, Стимуляция и Конформность*. В структуре личностных ценностей у данной группы женщин, в отличие от группы сравнения, выявлено меньшее количество корреляционных связей между показателями, что свидетельствует о меньшем ресурсном потенциале этого личностного конструкта. Смыслоразнонаправленности, их взаимосвязь и выраженность свидетельствуют о том, что для женщин из группы “С травмой” скорее свойственно жить сегодняшним или завтрашним днем, нежели анализировать свое прошлое, придавать ему какой-либо смысл и проводить “работу над ошибками”. Слабая способность формировать собственные жизненные планы и личностные позиции приводит к неудаче в поиске смысла жизни и личностного самоопределения. Кроме того, более низкие результаты по шкале *Локус контроля – Я*, зафиксированные у женщин из этой группы, характеризуют их как личностей, слабо верящих в свои силы и обладающих недостаточными возможностями влиять на значимые события в своей жизни. Структура самоотношения и самооенок в группе женщин “С травмой” также указывает на изолированность положительной эмоциональной самооценки от других показателей: незадействованным является *Физическое Я*. Отчуждение собственного тела может вызывать серьезные трудности в общении и другие изменения, препятствующие процессам нормальной адаптации в широких сферах социальной жизни. Полагаем, что автономное “существование” данного показателя в системе самоотношения у женщин, имеющих травму, свидетельствует о наличии у них актуальных травматических переживаний по поводу аборта, связанных как с физической, так и психической травматизацией. Дополняют эту картину данные неосознаваемых самооенок, полученные с помощью методики “Автопортрет” и показавшие меньшую согласованность отдельных составляющих *Я*.

Главное отличие корреляционных взаимосвязей в группе женщин “Без травмы” состоит в том, что наблюдается положительная корреляция показателя *Положительная эмоциональность* с показателями *Самооценка* в отличие от женщин с травматическими переживаниями опыта аборта, где такой связи нет. Подобная характеристика является неотъемлемым критерием зрелой личности, способной к ответственным поступкам и саморазвитию [24].

Эти результаты можно интерпретировать как своеобразие личностной структуры и когнитивной функции личности (смыслообразования, ценностные ориентации), которая и обуславливает своеобразие в организации субъектной ре-

гуляции поведения. Подобная структура организации личности тесно связана и с дефицитом волевого и эмоционального контроля у женщин “С травмой”, причем эмоциональная регуляция имеет наименьшее количество связей с конструктом личности. Это не позволяет таким женщинам эффективно справиться с переживаниями. Следовательно, своеобразие регулятивной функции личности (переживание) связано с дефицитом субъектной регуляции: контролем поведения (с волевой и эмоциональной составляющими). Такое функционирование личностного конструкта у женщин “С травмой” приводит к закономерным типам совладающего поведения и использованию психологических защит, которые свидетельствуют об их уязвимости. Женщины с травматичным опытом аборта используют характерные для них механизмы психологической защиты по типу *Проекция* и *Рационализация* и эмоционально-ориентированные стратегии совладания *Самоконтроль* и *Поиск социальной поддержки*, которые имеют высокие индексы напряженности и представляют собой слабо эффективные формы преодоления трудностей. Специфическая структура связей субъектных, личностных характеристик и механизмов защиты и совладания у женщин с травматичным опытом аборта свидетельствует о слабых возможностях осуществления зрелых форм поведения, ведущих к успешной регуляции поведения, что подтверждается наличием актуальных травматических переживаний по поводу прерванной беременности [24].

В группе женщин без травматичного abortивного опыта при взаимодействии субъектных и личностных характеристик задействованы все подсистемы контроля поведения, хотя наибольшее количество корреляций наблюдается с эмоциональной составляющей. Со стороны личностного конструкта в данной группе наиболее ярко выступает система смыслооразнонаправленности, имеющая значимо преобладающее число связей с эмоциональным контролем. Структура *Я* указывает на гармоничную взаимосвязь всех составляющих. Обнаружена тесная связь субъектных и личностных характеристик с механизмами защиты и совладания, свидетельствующая о функционировании данных механизмов регуляции в одной системе, представляющей единый регуляторный потенциал. При этом составляющие контроля поведения имеют преимущественное взаимодействие с совладающими стратегиями, которые мы относим к осознанным защитам личностного уровня. Женщины с травматичным опытом искусственного прерывания беременности, в отличие от женщин без такого опыта, отличаются меньшей степенью согласованности субъект-

ных и личностных характеристик между собой, что затрудняет осуществление зрелых форм поведения и успешность совладания с актуальными травматическими переживаниями по поводу совершенного аборта.

Таким образом, регулятивная функция субъекта (контроль поведения) тесно взаимосвязана с личностными функциями, при этом паттерны соотношения субъектных и личностных характеристик специфичны и своеобразны при различной степени успешности преодоления трудной жизненной ситуации.

Показательным для демонстрации реципрокности субъектных и личностных функций в интегративном поведении может служить выбор и интерпретация трудной жизненной ситуации в нарративах. История, заданная во втором рассказе, на наш взгляд, непосредственно связана с предметом травматизации исследуемых женщин – еще не родившимся ребенком (история о женщине, продолжающей курить во время беременности, несмотря на рекомендации доктора). В данном случае испытуемые глубже прочувствовали сложность ситуации, дав значимо различные ответы. Большинство из женщин с травматическими переживаниями аборта убеждены в том, что во время беременности будущая мать сможет бросить курить, в то время как в группе “Без травмы” преобладают женщины, придерживающиеся противоположного мнения. Полученные данные дают нам возможность предполагать, что испытуемые с опытом искусственного прерывания беременности склонны к самооправданию за произошедшие в их жизни события и искренне верят, что, попав в подобную ситуацию в будущем, смогут ее изменить во благо будущего ребенка, недооценивая собственные ресурсы саморегуляции и неустойчивость, уязвимость структуры Я. В группе травмированных испытуемых отмечается склонность к идеализации будущего, что, на наш взгляд, может приводить к искаженному пониманию событий в настоящем времени, когда происходит подмена смысла и недооценка целей своих действий. Вероятно, подобная особенность тесно связана со спецификой функционирования системы контроля поведения этих женщин, при котором затруднено осуществление эффективных механизмов регуляции, способствующих успешному преодолению психологических затруднений.

Таким образом, функции личности реципрокно связаны с функцией субъекта (в данном примере регулятивной – контролем поведения) и закономерно отражают специфику субъектно-личностного взаимодействия.

Связь когнитивной функции субъекта (модели психического) взрослых с личностными характеристиками. Одна из задач изучения развития понимания психического Своего и Другого у взрослых была нацелена на анализ взаимосвязи различных компонентов модели психического (понимание обмана как показателя возможностей сравнения своих ментальных моделей понимания ситуаций с пониманием их Другими, пониманием эмоций, психических состояний по их внешним проявлениям) с личностными характеристиками человека (направленностью, ценностями, макиавеллизмом). Работа выполнена под руководством автора в рамках диссертационного исследования Н.И. Колесниковой [12].

В исследовании приняли участие 150 человек (75 мужчин и 75 женщин) в возрасте от 17 до 45 лет.

Для анализа составляющих модели психического (понимание обмана, эмоций, психических состояний по внешним признакам) использовались следующие методики: нарративный метод для оценки понимания обмана (разработаны 10 задач для каждой возрастной группы, описывающих типичные и значимые ситуации обмана); для оценки понимания эмоций русскоязычная версия *Теста на эмоциональный интеллект (MSCEIT V2.0 the Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test)*, включающая 5 шкал и разработанная Е.А. Сергиенко, И.И. Ветровой; для изучения понимания ментальных состояний (“чтения психического” по глазам) был использован *Тест чтения психического других людей по глазам* (русскоязычная версия *Reading the Mind in the Eyes* – для взрослых), адаптированный Е.И. Лебедевой и И.А. Лялиной. Для оценки уровня развития способности к манипулятивным действиям была использована русскоязычная версия шкалы *Mach-IV*, адаптированная В.В. Знаковым. Для изучения вклада в понимание смыслообразования личности была использована *Методика Шварца для изучения ценностей личности* (русскоязычная версия теста адаптирована В.Н. Карандашевым при участии С.В. Реттгес). Для того чтобы оценить, насколько субъект с тем или иным уровнем развития модели психического считает свою жизнь осмысленной и подконтрольной, мы использовали *Тест жизнестойкости* (русскоязычная версия опросника *Hardiness Survey* адаптирована Д.А. Леонтьевым, Е.И. Рассказовой). Для оценки особенности самоутверждения личности у субъектов с разным уровнем развития модели психического использовался тест *Стратегии самоутверждения личности*, разработанный Н.Е. Харламенковой (о методах исследования см. подробнее [12]).

Количественный и качественный анализ результатов показал, что модель психического характеризуется возрастной и половой спецификой. У мужчин и женщин наблюдается различный характер взаимосвязей компонентов модели психического друг с другом в разных возрастах. Уровень понимания обмана сопряжен с половозрастными характеристиками субъекта. С возрастом наблюдаются качественные изменения в отношении к обману: от абсолютного и однозначного к более тонкому, сложному и дифференцированному. Признание наличия/отсутствия обмана в молодом возрасте связано с его видом (высказанный или “по умолчанию”) и степенью близости с обманываемым человеком. В зрелом возрасте обман “по умолчанию” перестает восприниматься субъектом как обман независимо от степени близости с обманываемым. Понимание высказанного обмана становится более неоднозначным по сравнению с молодым возрастом. У мужчин и женщин обнаружена различная динамика понимания обмана в разных возрастах. Выявлены возрастные различия в понимании ментальных состояний. Высокий уровень понимания обмана сопряжен с высоким уровнем развития эмоционального интеллекта (общий балл) и его отдельных шкал, в особенности идентификацией и пониманием и анализом эмоций, что означает наличие взаимосвязи между пониманием обмана и пониманием эмоций как составляющими модели психического. С возрастом наблюдается развитие способности к пониманию ментальных состояний по выражению глаз. Показаны возрастные и половые различия в понимании эмоций. С возрастом наблюдается снижение способности к пониманию и анализу эмоций и эмоционального интеллекта (общий балл). Показатели, связанные с пониманием эмоций у женщин, выше в течение изучаемого периода, но к 35–45 годам снижаются и становятся равными показателям мужчин.

Данная работа в свете обсуждаемой проблемы для нас интересна прежде всего тем, что понимание психического обнаруживает связи с личностными характеристиками взрослых, а именно: стратегией самоутверждения и ценностными ориентациями личности. Эффективность понимания обмана (высокий или низкий уровень) имеет различные личностные корреляты. Наблюдается большее количество положительных корреляций между субъектными характеристиками (пониманием обмана и показателями по шкалам *MSCEIT*) и личностными особенностями в группе с высокими показателями по пониманию обмана. Группе с высоким уровнем понимания обмана свойственна конструктивная стратегия самоутверждения личности при взаимодействии с Другими. Кон-

структивные реакции проявляются в умении отстаивать свои интересы, быть автономным, но не отчужденным, спонтанным и не импульсивным, критичным, но не агрессивным. Этот тип личности способен уверенно применять конструктивные стратегии (добиваться цели, безоговорочно отказываться от необоснованных просьб, выражать радость, гнев, печаль и другие чувства, требовать соблюдения правил), но иногда сомневаться в правильности предпринятых действий (отказывать, испытывая неловкость, проявлять негативные эмоции, сожалея об этом, отстаивать собственные права, осознавая свое недостаточное внимание к другому человеку) [28].

На уровне нормативных идеалов ведущей ценностью является стимуляция. Мотивационная цель стимуляции заключается в стремлении к новизне и глубоким переживаниям. На уровне поведения ведущей ценностью являются достижения. Определяющая цель этого типа ценностей – личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. Проявление социальной компетентности в условиях доминирующих культурных стандартов влечет за собой социальное одобрение.

В группе с низким уровнем понимания обмана ведущую позицию занимают традиции, отражающиеся и на уровне нормативных идеалов, и на уровне поведения. Мотивационная цель данной ценности – уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре, и следование им. Данные различия в ведущих ценностях демонстрируют открытость изменениям в группе с высоким уровнем понимания обмана и консерватизм в группе с низким уровнем понимания обмана, что соответствует степени применения конструктивной стратегии взаимодействия.

Испытуемые с высоким уровнем понимания обмана (по сравнению с испытуемыми с низким уровнем понимания обмана) демонстрируют более высокий уровень развития эмоционального интеллекта в целом и его отдельных составляющих, в особенности идентификации эмоций и понимания и анализа эмоций. На личностном уровне испытуемых с высоким уровнем понимания обмана характеризует открытость изменениям, а испытуемых с низким уровнем понимания обмана – консерватизм. Для испытуемых с высоким уровнем понимания обмана характерна конструктивная стратегия взаимодействия с другими людьми и большая интегрированность разных составляющих модели психического, что свидетельствует, на наш взгляд, о более целостной субъектной организации испытуемых этой груп-

пы и позволяет им осуществлять более адаптивное поведение в межличностных отношениях.

При сравнении функций субъекта и личности в данном исследовании когнитивная функция субъекта (модель психического) оказывается тесно взаимосвязанной с когнитивной функцией личности (смыслами и ценностями). В группе с высокими показателями понимания обмана (тесно связанного с пониманием эмоций) наблюдается и большая выраженность личностных ценностей (когнитивная функция личности), направленная на интенсивное взаимодействие с окружением, проявляющаяся в конструктивной стратегии самоутверждения (коммуникативная функция личности).

При анализе макиавеллизма также можно проследить взаимодействие функций субъекта и личности. Макиавеллизм тесно взаимосвязан с показателями, относящимися к модели психического, и с личностными составляющими. Интересен тот факт, что макиавелльский интеллект в группе с низким уровнем понимания обмана демонстрирует сопряженность только с личностными стратегиями. Следовательно, направленность личности, а именно манипулирование людьми в собственных целях приводит к особому сочетанию функций личности (когнитивной функции – смыслы и смысловые ориентации), которые снижают когнитивную функцию субъекта – понимание ситуации (понимание обмана) и эмоциональное понимание (эмоциональный интеллект).

Результаты исследования позволяют заключить, что модель психического продолжает развиваться и изменяться в период взрослости. С возрастом изменяется соотношение компонентов модели психического друг с другом, проявляются возрастные и половые различия модели психического, уровень понимания психических состояний взаимосвязан с личностными характеристиками, что, по-видимому, указывает на усложнение организации субъектно-личностных отношений на протяжении периода взрослости [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшим выводом из приведенных экспериментальных исследований, столь различных по изучаемым выборкам, возрасту и половому составу, является обнаруженная взаимосвязь функций субъекта (регулятивной – контроля поведения и когнитивной – способности понимать психические состояния свои и Другого) с личностными функциями (когнитивной – смыслообразование, регулятивной – переживание и коммуникативной – избирательность взаимодействия). Степень

согласованности субъектных характеристик, отражающих актуализацию индивидуальных ресурсов человека с личностными характеристиками, различна. Согласно предположению о выделении специфических субъектных и личностных функций на примере данных работ, сделана попытка проиллюстрировать возможность выдвинутой гипотезы.

Автор отдает себе отчет в острой дискуссионности предложенной гипотезы о соотношении субъекта и личности в рамках развиваемого системно-субъектного подхода. Однако, несмотря на дискуссионный характер, гипотеза о соотношении субъекта и личности позволяет не противопоставлять две данные категории, а объединить их, непротиворечиво реализуя континуально-генетический принцип психической организации, сформулированный А.В. Брушлинским. Смелость автора в обсуждении столь сложного вопроса в психологии субъекта, да и всей психологии в целом, поддерживалась именно научной смелостью Андрея Владимировича, для которого поиск в науке оставался всегда приоритетной задачей. Работа над понятийным аппаратом – одна из центральных задач науки. Категории субъекта и личности, несомненно, ведущие понятия в психологической науке, которые продолжают интенсивно разрабатываться в отечественной психологии. Научное наследие А.В. Брушлинского реализуется в поисковой работе по решению сложных проблем психологии субъекта, к которым относится вопрос о соотношении субъекта и личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–22.
2. Алексеева Л.В. Психология субъекта и субъекта преступления. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2004.
3. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.
4. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Институт психологии РАН, 2004.
5. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Институт психологии РАН. 2-е, испр. и доп. изд. 2006.
6. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд. М.: Смысл: Издательский центр "Академия", 2007.

7. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–11.
8. Волкова Е.Н. Субъектность педагога: теория и практика: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1998.
9. Зауш-Годрон Ш. Социальное развитие ребенка. СПб.: Питер, 2004.
10. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2011.
11. Знаков В.В. Понимание, постижение и экзистенциальный опыт // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 16–30.
12. Колесникова Н.И., Сергиенко Е.А. Личностные аспекты понимания психического у взрослых // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 6(14). URL: <http://psystudy.ru/0421000116/0056>.
13. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
14. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
15. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
16. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер, 2007.
17. Рябикина З.И. Личность как субъект бытия и события: психологический аспект анализа // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 5–22.
18. Сергиенко Е.А. Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ПерСЭ, 2000. Гл. 9. С. 270–310.
19. Сергиенко Е.А. Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 50–67.
20. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009.
21. Сергиенко Е.А. Контроль поведения как индивидуальный ресурс субъекта // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России: Материалы II Международной научно-практической конференции (11–14 ноября 2009 г.). Кисловодск; М., 2009. С. 346–353.
22. Сергиенко Е.А. Соотношение категорий субъекта и личности // Личность в изменяющихся социальных условиях: Сб. научных статей / Отв. ред. Е.В. Гордиенко. Красноярск: Красноярский ГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 7–11.
23. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Институт психологии РАН, 2010.
24. Сергиенко Е.А., Микова Т.С. Психологическая адаптация женщин с травматическим опытом искусственного прерывания беременности // Психол. журн. 2011. Т. 32. № 4. С. 70–83.
25. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. журн. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
26. Татенко В.А. Личность в субъектном измерении. Киев: Просвита, 1998.
27. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006.
28. Харламенкова Н.Е., Никитина Е.П. Разработка валидной процедуры оценки самоутверждения личности // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 6. С. 67–76.
29. Щукина М.А. Психология саморазвития личности: проблемы, подходы, гипотезы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.

THE PROBLEM OF RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECT AND PERSONALITY

E. A. Sergienko

*Sc.D. (psychology) professor, head of laboratory of psychology of development,
Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow*

Conceptions about relationship between subject and personality in domestic psychology have been analyzed. According to system-subject approach personality, being the core structure of subject, determines general direction for self-organization and self-development, while subject implements this direction coordinating the choice of targets and person's resources. Mature forms of person's behavior depend on the level of coordination in subject-person continuum while developing. Close relationship and reciprocity of structures and functions of subject and personality is shown by the examples of study of theory of mind (subject's cognitive function) in adulthood and subject's regulative function – in women with traumatic experience of abortion. Debatable and searching character of the hypothesis in psychology of subject is emphasized.

Key words: subject, personality, system-subject approach, functions of subject and personality, psychological maturity.